

Не от стыда краснеет золото

детектив из глубинки

18+

Лидия Луковцева

Лидия Луковцева

Не от стыда краснеет золото

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Луковцева Л.

Не от стыда краснеет золото / Л. Луковцева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Говорят, что найти один клад — это удача, два — везение, три — враньё. А как быть, если клады сыпятся, словно из рога изобилия? Что делать трем закалённым в приключениях подругам-пенсионеркам, если судьба вновь требует сунуть любопытный нос в загадочную историю с исчезновениями, древними руинами и вполне современной мистикой? Третья книга серии "Детектив из глубинки" продолжает рассказ о простых жителях Нижней Волги и их непростых судьбах, трагедиях, счастливых и загадочных историях, во многом основанных на реальных событиях.

Содержание

Если нет, чего желаешь, желай того, что есть	5
Где есть мед, там найдутся и мухи	13
Всякая дорога имеет начало	22
Боль заставляет плакать, любовь – говорить	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Если нет, чего желаешь, желай того, что есть

– Да что ж за черт! – гневался коренастый бритоголовый крепыш, мечась по маленькому кабинету, заставленному письменными столами.

Было удивительно – как он умудряется метаться, не сбивая бумажные Гималаи, что висели повсюду. Однако он лавировал весьма успешно, не натываясь на мебель, словно опытный лодчаник на родной реке, изучивший все ее повороты и отмели. Это свидетельствовало не столько о его пластичности и грации, сколько о выработавшейся с годами сноровке. Мужчине было на вид около пятидесяти, плюс-минус пару лет.

– Ну только размышлялся, что в степь выберусь! Насиделся за зиму в кабинете, на волю хочется, в поле! Как будто нельзя было эту конференцию зимой организовать!

– Что ты психуешь? – меланхолично заметил сидящий за одним из столов коллега, отрываясь от своей писанины. – В первый раз, что ли? Или в последний? Ну куда она от тебя денется – степь? Вон, съездит вместо тебя Павленков на обмеры, выберет участок.

Говоривший отхлебнул чая из граненого стакана, выдержал паузу и продолжил.

– Павленков что, пробный шурф без твоего чуткого руководства не заложит? Ты у нас такой незаменимый, а он – дитя несмышленое? Подожди, еще будешь этой степью сыт по горло, летний сезон длинный.

Коллега лукавил. Он и сам бы сейчас махнул на природу, не задумываясь.

Зимняя голая унылая степь весной преображается: как будто из фантастического фильма о погибшей планете переносишься в добрый русский фильм-сказку. Она расстилается перед путником цветным радужным ковром. Среди сизой полыни – яркие пятна диких тюльпа-

нов, желтых и красных. Белыми гребешками волн стелется под ветром белоснежный ковыль. Одурающе пахнет медом и полынью. Правда, все это разнотравье скоро сожжет немилосердное южное солнышко, и цветущая степь превратится в унылое порыжевшее пространство, до самого горизонта покрытое выжженной травой и верблюжьей колючкой.

Оба они с нервным Шпигалевым – уроженцы здешних мест, и жизни в других краях, с лесами-дубравами, не мыслят. Тем более, что оба, как водится, заядлые рыбаки, а разве есть рыбалка лучше, чем на матушке-Волге? В крайнем случае, только по ерикам – волжским рукавам. Для них, во всяком случае, лучше нет.

– Павленков?! – Шпигалев стал само негодование. – Павленков да, уж он-то и выберет, и заложит! Ты как первый раз замужем. Тебе что, объяснять надо, что весной к степи на свидание едешь, а летом – работать. Пахать в поте лица! На солнышке печься, как в преисподней!

– Что ты тут, как невинная невеста в первую брачную ночь, сцену разыгрываешь? – развил брачную тему коллега-меланхолик. – Ты, старый ловелас, в какой уже раз на очередное первое свидание с весенней степью едешь?

Коллега досадливо махнул рукой в сторону челноком снующего крепыша, как от мухи отмахнулся – он просто Шпигалеву подыгрывал, а тот, войдя в раж, воспринимал все буквально.

– Вот же романтик драный! Когда угомонишься... Все играет детство в одном месте?

Крепыш махнул рукой столь же досадливо:

– Тебе не понять!..

– Где уж нам уж! Тебя же не на Крайний Север ссылают. В Москву полетишь. В столицу нашей Родины. Рассказывать о перспективах своей малой родины в области археологии. Сам же кричал о недостаточном финансировании, ехать выбивать деньги собирался. Вот и соедини полезное с приятным. Два раза ехать не придется.

Он снова с удовольствием отхлебнул.

– Походишь там по высоким кабинетам со своим докладом. Бери всю коробку, с диаграммами, таблицами, фотографиями. Всё на пальцах разобъяснишь. Нарисуешь радужную картину освоения поволжской степи. Хазары, Орда... В общем, не юродивым просителем за подачкой приехал – сами позвали!

– Ты хочешь сказать – я там очки втирать буду?!

– Да не грех и очки повтирать немножко, – вздохнул коллега. – Хотя, тебя учить – только портить. Ну, да, не слишком удачным был прошлогодний сезон... Раз на раз-то ведь не приходится. Но! Кое-что ведь все равно отрыли? Даст Бог, этот год удачнее будет!

И, глядя искоса на притомившегося от бега и притормозившего у его стола крепыша, ехидно добавил:

– Может, Павленкову в этом году удача улыбнется, и он хорошее местечко для раскопа присмотрит.

– Подкузьмил, да? – взвился крепыш. – То есть, я неудачное выбрал? Состарился? Вот бы и послали в Москву молодого перспективного Павленкова!

– Сучно с тобой, Шпигалев. Кто такой Павленков? МНС! Младший научный сотрудник. Кто с ним разговаривать станет? А ты? Ты у нас – звезда! Светило археологии.

– Сколько ж в тебе ехидства, Цыплаков! Больше, чем в трех ехиднах, вместе взятых.

– А ты знаешь, сколько ехидства умещается в трех ехиднах?

Он отставил стакан.

– Ладно, кончай придуриваться! – надоело Цыплакову изображать индифферентного ментора. – В первый раз, что ли? Куда она от тебя денется, твоя степь? Твои железки-черепки? На пару-тройку дней позже в степь съездишь, зато столичный асфальт потопчешь!

– Парой-тройкой не отделаюсь, – вздохнул вымотанный бегом Шпигалев. – В неделю бы уложиться.

– У тебя друзей полстолицы. Приютят, небось, и на неделю. Даже в гостиницу не дадут заселиться!

– Приютят, конечно! А Павленков... Мозги у парня хорошие, да ветру в голове много. Как бы ветром мозги не повыдуло.

– Причём тут ветер? Просто классический бабник. Из-за баб и диссертацию никак не допишет.

– Ладно, – подвел итог Шпигалев, – пусть покомандует. Инициативу проявит. После майских праздников смотается, почва уже подходящая будет.

* * *

Наступили первые майские денёчки.

Небольшие группки деревьев и кустов, изредка мелькавшие в окнах пригородного маршрутного автобуса, еще стояли в почках. Но на американских кленах почки в одну ночь лопнули, и кроны их как будто сбрызнули нежно-зеленой краской. Степь тоже зеленела от пробившейся молоденькой травки. Вечерело, но было еще совсем светло: день после сумеречной зимы уже значительно прибавился.

Старенький ПАЗик взвизгнул тормозами и застыл перед остановкой – легкомысленным сооружением из зеленого пластика, торчавшим в одиночестве, словно еще один гигантский вечнозеленый куст, на обочине трассы.

Из салона вышло несколько пассажиров. Почти опустевший, автобус умчался дальше по трассе, теряющейся в степи. Его конечным пунктом было село Красиловое, в пяти километрах отсюда.

Прибывшие перешли дорогу и направились к первым домикам начинавшегося недалеко от дороги села. Шли кучкой, переговариваясь, – все свои. Только один, тот, что вылез из автобуса последним, замешкался, как будто ждал, когда сельчане отойдут подальше. У первых домишек все рассредоточились и зашагали в разные стороны. Отставший пассажир, неспешно двигавшийся за аборигенами, остановился и, как полководец поле сражения, оглядел панораму.

Село было большое – районный центр. А если принять во внимание разбросанные тут и там двух- и трехэтажные новенькие коттеджи, так уже и поселок городского типа. Пороховое всегда было селом зажиточным, и за многие протёкшие, трудные для большинства сёл годы, не захирело.

Новоприбывший, положившись на свою интуицию, которая редко его подводила, направился в одну из улочек.

– Мужики, – обратился он к двум аборигенам, сидевшим на корточках (лавочек поблизости не было видно) – Я тут у вас найду место для ночлега?

Мужики переглянулись.

– Тут? Прямо тут – не стоит. Мошка заест.

– Да я в том смысле, какая-нибудь старушка не побоится пустить одинокого странника переночевать?

Мужики пожалы плечами, но в глазах их откровенно читалось знание и надежда.

Вздыхнув, приезжий вынул из кармана сотню и протянул, безадресно. Деньги исчезли, дающий даже не уследил, в руке которого из двух. Хотя чётко видел, что протянулись одновременно две руки.

– Сейчас идешь до конца улицы. Поворачиваешь налево, там улица Первомайская. Табличек с названиями у нас нет, сам понимаешь, не город. Спросишь, если что... Напротив дома номер семнадцать.

– А таблички-то с номерами есть?

– А Бог его знает. Не обращал внимания, нам без надобности. Посчитаешь, если что... Значит, за семнадцатым домом поворачиваешь опять налево, в проулок, это будет Некрасова...

– Стой! – вмешался второй. – Ты его к Филимонихе, что ли, хочешь? Не, не пустит... У неё ж опять давление!

– А к Евлампиевне?

– Вот разве к Евлампиевне...

– Тогда так...

Евлампиевна, святая женщина, пустила – в летнюю кухню. Принесла на тарелке несколько кусков жареного сазана, из кармана халата достала четыре вареных в мундире крупных желтых картофелины. В другой руке держала бутылку с молоком и кулёк с нарезанным хлебом.

– Вот, ужинайте.

– А вы со мной?

– Да я уж поужинала!

– Ну, хоть посидите со мной, за компанию.

– Посидеть можно.

– А чайку? У меня конфеты есть, вкусные!

– Да у меня тоже есть! Ну, разве что за компанию. Пойду тогда чайник принесу, он у меня в доме – я еще в летнюю кухню не перебиралась.

Она вернулась из дома скоренько, но не с новомодной светящейся кружкой о пяти кнопках, а со стареньким, произведенным еще в СССР, электрочайником в руках.

– Надо же, функционирует! – удивился гость.

Впрочем, многие вещи и механизмы тех времен, с виду неказистые, отличались надежностью, и век их был долог. Тогдашний знак качества что-то значил.

За чаем Евлампиевна спросила:

– Надолго к нам? На рыбака не похож, без снасти, и одет не так. Москвич?

– Почему – москвич?

– Москвичи у нас сейчас дома подряд скупают. Понаехали! И чего им в своей Москве не сидится? Мода пошла! Кто сюда на все лето приезжает, вроде как на дачу, сам рыбу заготавливает. Кто коптильню во дворе устраивает да сырец у местных скупает. Потом уже готовую копчущку в Москву переправляют. Бизнес! – произнесла со вкусом.

На секунду задумалась, перебирая в уме варианты.

– Есть военные отставники. Всю жизнь по гарнизонам, а к старости хотят к природе поближе, к реке. Один полковник тут у нас и жену себе нашел. Да-а-а, чужих полно!.. Идешь по селу и уже не всех и узнаешь. Да и село наше разрослось, народу как в городе. Дети у меня в городе живут, в Артюховске. Внуков мне на все лето привозят. Я, как у них в гостях бываю, долго не выдерживаю. Как в муравейнике, в своем пятиэтажном человечнике! Снуют туда-сюда, чисто Москва! Представляю, что там в Москве творится, если в маленьком Артюховске содом. Слышал, небось, про Артюховск?

– Ну... – затруднился с ответом гость, но хозяйка вела рассказ плавно, не прерываясь, как пряжу пряла. Ей просто нужен был свежий слушатель.

– С другой стороны, как и узнаешь, кого встретила? Зрение подводит, катаракта у меня. Вот, жду операции, в область поеду. Я и тебя плохо вижу, так, силуэт. Но ты – не отставник!

– Почему вы так решили?

– Голос у тебя не старый. И комплекция не такая.

– А какая комплекция? Вы же плохо видите!

– Силуэт-то вижу! Ты не толстый, где это ты видел нетолстого отставника?

– Да, не приходилось, – засмеялся гость коротким хриловатым смешком. – Но моя молодость уже давно меня покинула!

– И не русский ты! У нас тут и казахи, и татары – свои. В последние годы кавказцев много понаехало. Китаец один есть, на нашей местной женат... Внуки уже у них повзросли. Да и кто сейчас разберет, кто русский, кто казах... Золотая орда по нашей степи прокатилась, всех перемешала, во всех хоть капля монгольской крови есть. А еще раньше хазары тут селились...

– А вы хорошо историю своего края знаете!

– Да что там я знаю! У нас это все знают. Раньше в степи прямо на земле монеты находили всякие – и медные, и серебряные, даже золотые попадались. Кое-кому повезло – даже украшения золотые находили. А уж керамики разной обломков!.. Да что там, а плинфа? Какие были кирпичи – вечные, клейменные? Почитай, в каждой стене у нас найдешь такие. Они хоть и квадратные, не в размер, зато их время не берет! Дожди размывают землю, ветра разносят, вот и выходит всё на поверхность.

– Раньше, говорите, находили? А теперь?

– Теперь уже не то... В газетах же всегда распишут про это – про находки разные... Где правду, где набрешут, но конец один. Копателей черных развелось! Раньше все с бракашами милиция воевала – браконьерами по-нашему, а теперь вот еще и с копателями. Участковый наш да председатель сельсовета чуть не каждый день степь объезжают.

– Успешно?

– Да какое? Разве их всех переловишь! Степь большая... Хотя вот наши уже обучены, если чего найдут, то сразу археологам тащат. Археологи уже который год у нас степь перекапывают. Этим всё сгодится, любые черепки-стекляшки... Они и кости человеческие находят в могильниках, да. Как людям не страшно их в руки брать?!

– У них работа такая.

– Ну да... А я по твоему разговору слышу, что не русский, хоть и говоришь чисто по-нашему.

– Я казах.

– А чего ищешь в наших краях? На житьё хочешь остаться?

– Может быть... Прадед и дед мой из этих мест были.

– Места у нас красивые. И жизнь налаживаться стала потихоньку. Да мы, к слову сказать, особо-то и не бедствовали никогда. Село рыбацкое. Рыбы вот в реках мало стало.

– Нет, я не рыбак.

– Да и не обязательно им быть. У нас сейчас как говорят? «Рыбой занимается». Значит, скупает у рыбаков да торгует. Раньше городские сюда за этим приезжали, теперь сами многие научились. Бизнесмены! Вон, каких хором понастроили, видел? А жили в родительских старых домишках. Ну, да лучше рыбой, чем самогоном да наркотой торговать. Сколько молодежи сгубили... Найдешь тут себе хибарку недорогую, выкупишь, потом построишь постепенно, – планировала она жизнь своего постояльца и на ближнюю, и на дальнюю перспективу.

– Одна подкова есть, остается купить еще три и лошадь, – рассмеялся хриловато гость. – Может, и останусь... Оглядеться надо. Вы меня пожить пустите?

– Ну, если только ненадолго. Я после праздников в кухню хочу перебраться. А в доме прибраться, в конце мая внуков привезут. На недельку если?..

– На недельку! Меня устроит. А не боишься, мать, чужих людей к себе пускать?

– А-а-а, – отмахнулась беспечно хозяйка, – Двум смертям не бывать! И что с меня сейчас возьмешь, кроме анализов? Да и те ни к черту!

– Ну, все-таки...

– Так я же тебя покормила! И другого так же покормлю. Неужто, если ты мой хлеб ел, на худое решишься?!

Святая простота! Неужели она всерьез верит в надежность такого способа самозащиты? Однако, тут все же налицо и девальвация традиций гостеприимства: в прежние времена путника кормили бескорыстно, от душевной щедрости, из сердечной жалости. В нынешние – уже некий прагматизм проглядывает, страховка: я тебе – хлеб, ты мне – личную безопасность.

– А в Красилово от вас только по трассе попасть можно?

– Через степь, напрямки тоже можно, тут и трех километров не будет. А зачем тебе Красилово?

– Тоже, говорят, места красивые. Потому и Красилово?

– Скорее всего. Его кулугуры когда-то основали, раскольники, сплавились к нам на плотках из лиственницы, потом из этих плотов дома строили. И сейчас еще эти дома кое-где уцелели, стоят, ничего им не сделалось.

– А почему – Пороховое?

– У нас тут когда-то посреди глины селитру нашли, давно, еще в царские времена. Думали поначалу, что богатые залежи, хотели даже пороховой завод строить. Но так и не взялись, а добыча со временем захирела. Вот так одно название и осталось.

– В историческом месте вы живете.

– А где оно – не историческое? Везде люди живут. Старые умирают, новые рождаются, вот тебе и история.

– Ну да... Ну, я тут похожу, присмотрюсь?

– Сходи, приглядишься... Вниз по ерику спустишься, километра два будет, там мостик пешеходный деревянный, где речка сужается, построили гуртом с Красиловскими. Наконец-то договорились! Перейдешь мостик и – через степь.

– Что, раньше не могли договориться?

– Жлобились! А как Сарай-бату построили, так теперь все, кто денежку побыстрее да полегче заработать хочет, в Сарае отираются. И Красиловские тоже, им через степь да по мостику – ближе. И чем только не торгуют! И пирожки пекут, и салаты всякие гоношат, и напитки – квас, кумыс. Всё туристы за день подъедают. Хоть там и чайхана есть. Все ведь сейчас в бизнес ударились, скотину уже мало кто держит.

– Сарай-бату?..

– Ну, это наши так его прозвали. Вроде города игрушечного. Увидишь! Я тебе ключ от калитки дам, она у меня на ключ запирается. Собаки не держу.

– Что ж так?

– Зачем она?.. Бобик мой помер от старости, молодого заводить не хочу. Помру я – он сиротой останется, бродячим станет. Кому чужая собака нужна? Все своих по дворам держат.

Святая женщина! И бесстрашная. Русский «авось» жил, жив и будет жить вечно!

* * *

– Только бы из дома слинять! Дома тебе просто воняет!

– Наташ, ну не выдумывай! Чем это мне воняет?!

– Не знаю, чем... Наверное, кем! Мной, наверно! – Наташка все накручивала себя, повышала градус раздражения, входила во вкус, чувствуя себя на сцене перед публикой.

Из публики имелся один только муж, Сергей, но играла она вдохновенно. Талантливой актрисе для вдохновения достаточно и одного зрителя.

– Зая, ну что ты, в самом деле... – вяло отбредивался Серега.

– Хоть бы раз!... Господи боже мой! Хоть бы раз в выходные сделал в доме что-то полезное! Для семьи!

– А то я не делаю...

– По собственной инициативе? Только после моего пинка!

– Да что в квартире делать-то? Все переделано! Был бы свой дом, уж там-то ковырялся бы потихоньку.

– Свой дом? Ковырялся? Да он бы тебе на голову упал, тогда б ты только заметил! Гвоздя не забудешь, пока тебя носом не ткнешь да молоток в руки не вложишь! Рыбалка да гараж, рыбалка да гараж...

Преувеличивая мужеву никчемность, Наташа фальшивила, переигрывала, и оба это знали. Но таковы требования жанра.

– Лучше было бы, если б я в беседке с мужиками по выходным пиво пил?

– Еще чего не хватало! Но я б еще поняла, если б в гараже машина стояла, а то – лодка! Что там с ней можно каждые выходные делать?!

– «Маши-и-и-на»! – в голосе Сереги прорезался несмелый сарказм. – Разве я против машины? Да где ж ее взять? Мои желания не совпадают с возможностями! Спасибо, лодка есть.

– Ну да! Почти что яхта. Олигарх!

Это был удар ниже пояса. Серега работал грузчиком в порту.

– Так замуж ты же не за олигарха выходила. И знала тогда еще, что олигархом мне не быть. Да и олигархи не на таких женятся.

Серый вернул удар.

– На каких «не на таких»?! Каких это «таких»? На разных олигархи женятся! Даже на доярках из Хацапетовки.

Опять фальшь, отметил Сергей. Неистребимая любовь к сериалам. Сама прекрасно понимает, что на доярках олигархи женятся только в глупых киношках. Сереге тут вполне уместно было бы тоже сказать – лучше бы ты чем-то полезным для дома занялась! Но не сказал. Сказал другое:

– А потом разводятся. Меняют на молодых длинноногих блондинок.

Еще один зритель в этом домашнем театре присутствовал. Вернее, слушатель. Дверь в кухню, где разыгрывалась сцена, была закрыта. Подразумевалось, что и в Юркину комнату тоже, и сын этой свары не слышит. Как бы не так!

Серый просто сквозь стены видел приоткрытую дверь в комнату сына и его самого, бессмысленно уставившегося в монитор. Видел и маленькое розовое ухо, тянущееся к дверной щели и просто-таки согнувшееся под углом в девяносто градусов от напряжения. Решалась его судьба, но вмешаться он не мог: мать может вконец обозлиться, и батя спасует.

– И всего-то делов, на пару-тройку дней отпрашиваюсь, как порядочный, на праздники. А по будням я весь твой. Занимаюсь общественно-полезным трудом.

– Общественно-бесполезным, скажи!

– Лучше было бы, если б я голубей гонял? – Серега предложил уже второй вариант своего досуга. Он недвусмысленно намекал Наташке, как ей повезло с мужем.

– Вот именно, на праздники! Троица! Люди все с мужьями, на кладбище пойдут, а я? Куда я пойду?

– Ну... к маме своей сходишь... С мамой на кладбище ходите!

– И что я ей скажу? Любимый муж уехал на рыбалку на все праздники?

Серега представил эту сцену, и ему стало жаль жену.

– И потом, знаем мы вашу порядочность – перепьетесь там как свиньи! А то и баб местных приволокёте! В селе сейчас бабы...

– Юрка за стеной! – предостерег Сергей.

– Ой-е-ей! Любящий отец! Образцовый семьянин! – ерничала супруга. – Давно таким стал?

Еще удар! Однако, неэтично с ее стороны. Всего и был-то один такой случай, и Серый в нем покаялся, да каялся горячо и искренне.

Наташка, конечно, красавицей не была, хоть и не урод назад пятками, но Серега жену любил. Просто однажды, по причине своей мягкотелости и хорошей дозы спиртного, поддался на провокацию одинокой ушлой родственницы своего приятеля. Он попал в эту компанию случайно, был без жены и, выпив, стал легкой добычей.

После этой истории всех его корешей Натаха люто возненавидела. Впрочем, как все жены – мужниных друзей-приятелей. Это была то ли зоологическая ненависть, то ли классовая.

Она тогда вроде бы простила. Договорились забыть и не вспоминать про его грех. Но договориться – не значит забыть. При всех стараниях, совсем не вспоминать у нее, конечно, не получалось. Тем более, что в минуту слабости поделилась с мамой, и теща ее забывчивости отнюдь не поощряла.

– Так я же Юрку и хочу с собой взять, чтоб ты не сомневалась! Я что, совсем скотина – при ребенке пить да баб водить? Наташа, мы же договорились, что ж ты опять!.. Да и не за этим мы едем, что мы, дома в гаражах не можем выпить? На майские праздники не пустила, а мужики по мешку судаков привезли, за одну ночь натаскали.

– Ребенка – в степь? С ночевкой? На три дня?! Чем ты его там кормить будешь? – кажется, с высот творческого вдохновения она, наконец, спустилась на равнину прозаической логики. Жена маскировала отступление поисками аргументов.

– Ты хочешь, чтоб из него мужик вырос или барчук? Офисный планктон? Сисадмин? – сарказм из Серого прямо сочился.

И где только слов таких нахватался?

– А вкуровцы? А депеэсники? Такой штраф насчитают – рыбы той не надо! Дешевле на рынке купить.

Это был уже знак капитуляции.

– Сама-то соображаешь, что говоришь? «На ры-ы-ынке»! Она там полдня на прилавке будет валяться, мухами обсиженная, да пока ее довезут...

– А ваша-то?

– А наша на кукане, живая. Потом у одного там местного ледник в баньке. Будем складывать на лед, в ванну старую. Всё продумано и договорено. Ну, подсолим... А домой поедем по объездной, Колян уже ездил, знает, как посты миновать – активизировался Серый и дожигал, дожигал.

– Да уж, – заразилась Серегиним сарказмом Наталья, – Уж вы машину рыбой доверху забьете. Можно ехать и не по объездной, будете на всех постах ментам рыбу раздавать. Ты хоть домой-то на жареху привези, про котлеты я уж и мечтать не буду.

Сергей был мягкосердечным и не выносил конфликтов, но о пропущенных ударах не забывал.

– Рыбку-то любишь, – не спросил, сказал утвердительно (а кто ж ее не любит, в рыбацких-то краях!) – Свежачка! Будет тебе и жареха, и котлеты, и на копчущку останется. Еще и с тещенькой поделишься, зятек-недотепа обеспечит на праздники, – выплеснул остатки едкого сарказма Серый.

Натаха смолчала, видно, тоже считала пропущенные удары и понимала, что теперь очередь мужа сравнить счет.

– А куда поедете-то? – спросила уже почти спокойно. – На Маячкино?

– На Пороховое попробуем. Кто был – не разочаровался.

– Да они и соврут – недорого возьмут, чтоб еще какие-нибудь дурачки повелись.

Дверь из кухни распахнулась, и Юркино ухо, распрямившись, приняло обычное положение. Батя молодец! Тот еще дипломат, но в этой битве титанов победу одержал он.

Где есть мед, там найдутся и мухи

МНС Павленков Владислав Николаевич немножко не дотягивал до возраста Христа, в сентябре ему должно было стукнуть еще только тридцать два. Или уже?.. Христос, или, к примеру, Александр Македонский, да даже наш Александр Сергеевич в таком возрасте много чего понаделали-понаписали. А он кандидатскую все никак не допишет. А должность младшего научного сотрудника он занимает, поскольку практики по специальности у него – дофига! Он с пацанов на раскопки ездил, студентом в музее подрабатывал. Не говоря уже о том времени, когда потом диплом по специальности защитил.

И дерево Павленков не посадил. И сына не родил. На Востоке в этот традиционный план-максимум включают еще и четвертый пункт – убить змею, как символ зла, исчадия. Этот пункт ему приходилось выполнять не единожды – эти заразы вездесущи: и в палатки заползали, и прямо из пальцев выскальзывали, когда приходилось собирать сухую траву для костра. Гадюка степная кусала, а медянка даже два раза. Как ты ей объяснишь, что агрессивных намерений не имеешь, просто заметил поздно?

За плечами Владислава Николаевича, Влада, то есть, имелось два удачных брака. Удачных в том плане, что, завершившись разводами, последствий не имели. Владу не пришлось платить алиментов, терзаться совестью долгими зимними ночами на предмет оставленных сирот, которые будут расти безотцовщиной. Кроме того, если бы из его зарплаты МНСа высчитывали алименты, ему и материально пришлось бы очень-очень поднапрячься.

Сам себе он твердо пообещал порог ЗАГСа в качестве жениха больше никогда не переступать. По крайней мере, в обозримом будущем. Парнем он был весьма привлекательным, этакий русоголовый сероглазый добрый молодец, ярко выраженного славянского типа, приведенный модой в соответствие с требованиями современности. Бабы липли, как мухи на мед.

Нынешняя его женщина, Алиса, гражданская, так сказать, жена, поначалу была такой же покладистой и понимающей, как и две её предшественницы. Она появлялась, когда он хотел ее видеть, и жила некоторое время в его угловой однушке на пятом этаже хрущобы. Как только её присутствие начинало его слегка напрягать, Алиса чутко улавливала момент, когда ей следовало дать Владу передых от тягот семейной жизни.

Поначалу, правда, она тешилась надеждой, что Владик привыкнет к обустроенному быту и не захочет отказываться от приобретенных милых привычек и комфорта. Но со временем надежды её оставили. Произошло это незаметно и безболезненно, как считал Влад. Еще он считал, что приручил Алису, и тихо радовался, что ему, наконец, попало такое сокровище.

Великое дело – эти гостевые браки! Алиса терпела его вечное отсутствие (всегда, естественно, по архиважным делам, связанным с наукой археологией), раздрыганный быт, череду беспутных друзей и баб, конечно. Она соглашалась с его железными доводами на тему, что заводить детей сейчас преждевременно. И все складывалось просто прекрасно!

Но если две прежние жены молча собрали вещи, выражая несогласие с образом жизни любимого, и без сцен ушли на прежнее место проживания, то есть в родительский дом, Алиса показала себя стратегом. Она объявила о четырехнедельной беременности и сказала, что будет рожать, а он себе как знает.

Мне двадцать семь, сказала Алиса, чего тянуть? Раз уж так вышло. Сказала так, как будто оно само собой так вышло, безо всяких усилий с ее стороны и предпринятых ею мер.

«Как знает» – это было слишком сильно сказано. Далее любимая конкретизировала свое видение будущего: на алименты, сказала Алиса, я подам непременно, и ребенка пропишу у тебя, хотя бы дело дошло до суда. Пусть лучше ребенку эта конюшня когда-нибудь достанется, чем какой-нибудь из твоих прошмандовок (типа, она от них чем-то принципиально отличается!) Может, когда-нибудь он помянет тебя добрым словом и назовет папой. И скажи спасибо, что сама я не стану претендовать на твои вонючие квадратные метры, мне без надобности. И, разумеется, после его рождения можешь делать тест на отцовство, если у тебя возникнут сомнения.

И стал не мил МНСу Павленкову белый свет, и ничто его не радовало. Конечно, ничего такого уж непоправимого не случилось. Ну, поспособствовала Алиска в выполнении назначенной мужику библейской жизненной задачи – родить сына (где гарантия, что не дочь?) Сейчас приходящие отцы сплошь и рядом, не говоря уже о беглых алиментщиках. Но Влад был сторонником традиционной модели семьи, где-нибудь в отдаленном будущем. А разве можно строить семью с женщиной, подобной Алиске?!

Она, наконец, продемонстрировала Владу свою сущность, свое черное нутро, и, заглянув в эти глубины, Павленков отшатнулся в ужасе. А эта кошмарная женщина с наслаждением садистки наблюдала за его вытаращенными глазами, отвисшей челюстью и сменой красок на лице. С Алисой он не пошел бы в разведку, нет, не пошел бы. Женщины, подобные ей, готовы подставить тебе подножку в любую секунду, только зазевайся!

Почти утратив веру в человечество, точнее, в так называемую лучшую его половину, уже несколько дней Влад жил в тягостном ожидании. Алиса от встреч отказывалась, разговаривать не желала ни на какие темы, поскольку справедливо полагала, что разговоры сведутся к одной конкретной теме. Павленков тосковал и мечтал куда-нибудь деться – уехать в какую-нибудь длительную командировку (куда?!!) или, к примеру, по обмену (и кому он нужен – им обмениваться?!).

Тут как раз и возникла необходимость: ехать ему в степь, где их группа уже не первый год проводила раскопки. И ехать не просто сопровождающим, ведомым, под чутким руководством старшего товарища – Шпигалева. Ан нет, предстояло самому присмотреть место для будущего пробного шурфа, а если Шпигалев в своих столицах задержится и если почва достаточно сухая, то и заложить этот самый шурф.

Ура, ура, есть возможность хоть немного отвлечься от тягостных мыслей! Хоть на день-другой.

* * *

Первым делом Павленков заскочил к председателю сельсовета Хромосову, по совместительству – давнему другу коллеги и руководителя археологической экспедиции Шпигалева.

Они заканчивали один вуз, тогда еще носивший скромное звание института, а не академии или университета. Правда, учились на разных факультетах и в разные годы. Хромосов, недолго поработав в школе, пошел по хозяйственной части. Шпигалев – по научной стезе. Иногда по вечерам Хромосов приезжал в лагерь к археологам – на огонек, так сказать. Сидели у костра, вдыхали горький полынный запах дыма, кизяка и приторной смеси гвоздичного масла и ванили. Или крема «Тайга». Средства эти были в ходу, хотя быстро выяснилось, что они почти бесполезны от мошки и комаров.

Помнишь, в мезозойскую культуру

У костра сидели мы с тобой, -

Не слишком виртуозно терзая струны гитары, заводил рыдающим баритоном Павленков.

Ты мою изодранную шкуру

Зашивала каменной иглой, -

радостно гаркал мужской хор. Не хор Турецкого, конечно, но громко и от души...

Заскочил Павленков в сельсовет на предмет – показаться Хромосову, побеседовать об открытии сезона, ну и обсудить шкурный вопрос предоставления председателем некоторой рабсилы. То есть, хотя бы парочки рабочих-землекопов, хоть ненадолго – пока к лагерю не подтянутся студенты-практиканты с исторического факультета.

Болезненная тема для председателя: летняя страда, день год кормит.

– Насчет землекопов я тебя не порадую, – сходу «обрадовал» Хромосов. – Разбежались твои землекопы.

– Куда разбежались?

– А кто куда! Витька Зинченко с семьей в город на жительство переехал. Марата Шакирова рыбаки к себе в бригаду взяли.

– А Тряпичников?

– Ванька-то? Этот случай всех злее. Ваня теперь в Тюмени у нефтяников вахтует. Домой на побывку приезжает. Говорит, денег кучу там заработает.

– Хреново... Всем деньги нужны!

– Хреново, – не стал спорить Хромосов. – А тебе что, не нужны? Но ты так уж не убивайся. Найду я тебе людей, каких-никаких.

– Мне каких-никаких не надо. Мне путёвых надо.

– Путёвых найду. Не вздумай мне только своей демагогией полеводов мутить, своими фантастическими заработками.

– Ни боже мой! Я что, враг тебе?

– Себе ты не враг. Знаем мы вашу дружбу! Кстати, тут один копальщик-специалист высшей категории у нас завелся – Генка Звягинцев. Чего только не копал, где только не был! Помогало его по России. И в Магадане на приисках золото искал, и в Кузбассе на шахтах уголек добывал, и во Владивостоке на сейнере рыбачил!

– И что, много накопал-нарыбачил?

– Судя по всему, немного. Есть ведь такая порода шатунов: «ты пойми и не удерживай меня!». Кому-то длинный рубль, кому-то – романтика больших дорог! Таких деньги не любят. Но Гена, по-моему, все же деньги любит. По-моему, тут классический случай несходства в любви характеров.

– А что ж я ему могу предложить вместо приисковой романтики? Степную романтику старых костей? Пекло да песок на зубах?

– И это тоже. И заработок. Я думаю, он и на приисках мед ложкой не хлебал. И романтикой сыт, не мальчик уже. К работе привычный, мужик здоровый, силой Бог не обидел. Материальной стороной заинтересовать – надежнее будет.

– Да вроде мы никого не обижали.

– Ну, это вы местных не обижали. Гена немножко другими финансовыми категориями мыслит, конечно.

– Но я же не могу обещать ему персонально золотые горы!

– Ну, ты уж помозгуй. Чемоданов, набитых деньгами, он не привез, вроде. И пока, как будто, никуда не собирается – мать прихварывает, а он один у нее. Она-то его и вынудила домой вернуться, плешь проела: помру и не увижу тебя. Да я для начала сам с ним поговорю! А сейчас, пожалуй, с тобой в степь прокачусь, заодно тюльпанов жене наберу. Ты-то не женился? Пора бы уже! Бог троицу любит.

– Отстань! – отмахнулся Павленков.

– И где ж та амазонка, что тебя, жеребца, взнуздает?

– Не родилась еще. Поехали!

...Заскочили к Звягинцевым. «А чего откладывать?» – сказал Хромосов.

Гена покочевряжился немного, для виду, но согласился поработать сезон – председатель умел быть убедительным. Павленкову оставалось только поддакивать. Мужик крепкий с виду, руки – лопаты. Гена сразу же и напросился съездить с ними в степь – ознакомиться, так сказать, визуально с будущим фронтом работ.

Поколесив по степи, они уже решили возвращаться, как вдруг, вынырнув из-за очередного холма, увидели вдали легковушку и двух мужиков с лопатами в руках. Мужики стояли, опершись на лопаты, возле немалой кучи земли и заглядывали в вырытую яму. Копатели так увлеклись, что, видимо, не услышали мотора, да и ветер относил от них звук.

Павленков с Хромосовым свернули с дороги. Тут уж их заметили. Из ямы выскочили еще двое – копали попеременно. «Черные археологи» не пожелали рисковать и вступать с вновь прибывшими в диалог. Чувяли, что едут товарищи, которые **ИМЕЮТ ПРАВО**. Да и неизвестно, сколько их там, на двух машинах.

Побросав в свою «ниву» инструмент и в темпе загрузившись сами, копатели газанули в степь.

– Все ищут, ищут, – с досадой сказал Хромосов. – Ни законы, ни постановления их не останавливают. То «трофейщики», то «черные археологи». Как медом намазано! Чем ты их испугаешь?

– Наказанием. Были бы построжее статьи в Уголовном кодексе, и толк был бы, – возразил Павленков.

– Ой ли?.. Ты сегодня приехал, а теперь не раньше, чем через неделю вы тут объявитесь, а мы с участковым не укараулим. У нас и другие дела имеются, как ты понимаешь.

Осмотрели раскоп – вырыть успели примерно на метровую глубину. Может, больше. До культурного слоя не добрались, недавно начали. Хотя копали, похоже, не наугад.

– Забросаем?

– Конечно. Но надо будет сюда заглянуть – чем черт не шутит! Похоже, не простой холм, могильник. Дуракам везет. Они, думаю, не просто так рыли. Прежде обследовали хорошим мощным металлоискателем. Вот только что они здесь найти хотели: оружие или захоронение?

Вчетвером – с Павленковым был еще и его сотрудник – перебросали кучу земли обратно в раскоп.

– По коням!

Уже вечерело.

– Ну ты что ж, так и не наберешь своей девушке тюльпанов? – опять пристал назойливый Хромосов.

У него в машине в пластмассовом ведре с водой разместился роскошный желто-красный букет.

– Отвяжись! – грубо сказал МНС.

Честно говоря, по задворкам павленковского сознания проскользнула шальная мыслишка о букете для Алиски, но Влад ее безжалостно прогнал. Во-первых, эта стервоза не шла на контакт, и чего ж зря пропадать такой красоте? Тюльпанов и так в степи с каждым годом становится все меньше. А во-вторых, Павленков прямо въявь увидел ехидную усмешечку любимой.

И как он раньше не замечал, что у нее тонкие губы? Ведь это – первый признак ехидства! Алиса, однозначно, воспримет букет как желание подкупить ее, подмазаться! Или, того хуже, как знак его капитуляции, слабину! Не дождется.

Все же ему заметно полегчало. Влад вспомнил Ходжу Насреддина, взявшегося по приказанию шаха обучить своего ишака читать: или шах помрет, или ишак сдохнет, или я что-нибудь придумаю.

Что-нибудь придумается. Как-нибудь рассосется. Будет день – будет и песня!

* * *

Расположились в живописном месте на берегу, под раскинувшейся шатром старой ивой. Перекусили, чем жены в дорогу снабдили, и Серый с Коляном занялись палаткой. Санек закинул удочки, сразу три – поймать что-нибудь к ужину. Юрку отправили собирать по берегу сушняк для костра.

Кострище уже было готово, спасибо добрым людям, рыбачившим здесь до них. «Добрые люди» вскоре не замедлили явиться, да вряд ли те, что оставили кострище. Подъехал старенький «форд», остановился на дороге, и от него вразвалку, приблатненной развинченной походочкой, имевшей целью утратить, направились к городским рыбакам трое. Молодые, наглые.

– Эт-т-т че тут за гости пожаловали, незваные-нежданные?

– И сразу – на наше место! Как будто берега им мало!

– Эти городские оборзели! Конченные беспредельщики!

Значит, местные. До чего дошел прогресс! Сельская дешевая гопота на иномарках передвигается.

– Это с каких же пор я у тебя, сопляка, разрешения буду спрашивать, чтоб в своих родных местах порыбачить? – вполне миролюбиво спросил Колян, поигрывая топориком – колышки тесал. Насчет родных мест он несколько преувеличил – родился он на Седом Урале.

– Что-то я такого родственничка не припоминаю! – продолжал угрожающе гундосить длинный сутуловатый блондин, то ли заводила-шестерка, то ли, наоборот, старшой.

– Да я б с тоски удавился, если б меня Бог таким родственничком наградил!

– Наглеешь, дядя! Сильно смелый?

От берега бежал Санек. Он успел заглянуть в машину за монтировкой и приближался не с пустыми руками. Краем глаза заметил Серый несущегося к ним перепуганного Юрку.

– Короче. Половина улова – хозяевам, как положено, на котел. И можете оставаться.

– И никакой альтернативы, – разъяснил другой, ниже блондина на полголовы коренастый брюнет.

О как! Не только на иномарках пересекаем, но и иностранные слова умеем вставлять в тему. Наверное, студент. На праздники приехал в отчий дом. Ну, и подзаработать по возможности. Мозг коллектива.

– А поноса у тебя не будет? – озаботился Санек, адресуясь к Высокому Блондину. – Диареи, то есть? – повернулся он к Студенту.

– Быкуете, дяди! Не пришлось бы пожалеть!

Третий все молчал. Немой, что ли? По законам жанра он бы должен был быть рыжим, а был каким-то невнятенным, пеговато-русым.

Пауза затягивалась. Пришло время уже и Серому что-то сказать, а то и про него пришельцы подумают, что немой. До сей поры он сидел спокойно, даже не оборачиваясь к наглецам – столько повидал уже подобных «подкатов», что не видел нужды суетиться. Местные рыбаки пришлых, особенно иногородних, всегда недолюбливали, редкая рыбалка обходилась без проверки «на вшивость».

Нет, настолько наглых, с прямыми угрозами и грабительскими требованиями, встретишь не часто. Это, наверное, характерная черта для самых молодых, дерзких, не битых жизнью. Рыбаки постарше были и спокойнее, и миролюбивее: подходили знакомиться запросто, без глупых шуточек и язвительных комментариев по поводу удочки, подкормки и подпойки. Если место было на самом деле рыбное, застолблённое, то чужакам иногда просто показывали, за какую границу не стоит заступать и в какое место на воде не следует забрасывать леску. Ну а если уж действительно хотелось согнать приезжих со «своего» берега, то и конфликт учиняли попросту – обвиняли в опустошении оставленных без присмотра снастей и куканов.

Как бы то ни было, Серый знал, что хорошо закончить любой конфликт можно только одним способом. Продемонстрировав умному – уверенность, а дураку – силу. Поэтому он вздохнул и вытащил из необъятного кармана расписных сатиновых бриджей, сшитых женой, пистолет. Зажигалка, но как настоящий – предмет зависти молодого мужского населения всей их пятиэтажки. Знакомый, бывший зэк, искусно выточил.

– Как это мне напоминает КВН, – сказал в раздумье. – наших любимых «камызяков». Телевизор-то смотрите? Вы же – патриоты своего края, болеете за них? За камызякскую мафию? Вы, часом, не из них?

– Мы еще вернемся, – ответили гости. – И не одни. У нас своя мафия. До Камызяка отсюда не близко.

– Ни хвоста, ни чешуи! – разлепил губы Немой. – Ну, типа, ловись рыбка и большая, и маленькая. Большая – нам, маленькая, соответственно, вам. Если не хотите полюбовно. Гы-ы-ы!

Оказалось – не немой.

– Зачем ты с ними был так жесток? – спросили потом Санек с Коляном, когда гости убралась. Про «камызяков» сказал?

Серый вспомнил, как в одной из сценок кучерявый «камызяк» в роли браконьера вот так же визжал, тряся вихрами: «Рыбу мне отдал!» – и ухмыльнулся.

– А ты не дрейфь, – сказал Колян испуганному Юрке. – Это обычный наезд: получится – хорошо, рыбка на халяву. А если нет, ну и ладно. Но вообще-то со мной такое в первый раз. Места здесь спокойные, село зажиточное, городских рыбаков всегда полно. Видно, этот студент решил опробовать на нас свое...

– Ноу-хау, – подсказал Серый.

– Его, – согласился Колян. – Делает первые шаги в бизнесе. Наверное, будущий экономист.

– Или юрист. Они сейчас преимущественно юристы-экономисты-финансисты.

– Но пить все-таки я бы не стал за ужином, – сказал Санек. – Мало ли что!

Сергея божился жене, что выпивки не будет, но оба прекрасно понимали, что это сплошная риторика: кто же на природу едет без бутылки. И «бутылка» в данном случае – это литота. Сын недавно вычитал в интернете, что так называется «гипербола наоборот», то есть художественное преуменьшение. Смешно даже подумать: три молодых здоровых мужика – и одна бутылка! На рыбалке!

– Ну, по чуть-чуть, – решил Колян. – Чисто символически. Под ущицу! Нам Бог не простит!

– Ну, разве что по чуть-чуть, – сдался Санек. – Вы и мертвого уговорите.

– Юр, матери ни-ни! – на всякий случай напомнил Серый сыну, хотя и так знал, что Юрка – ни-ни!

Бутылку, «по чуть-чуть», убрали. То есть, съели, словами Коляна.

– Но все-таки, во избежание неожиданностей, – сказал Колян, – будем дежурить. Мало ли! Лодку уведут или машину разуют, поганцы. По два часа. А часов в пять поплывем к тому берегу, там попробуем. Может, и пораньше, как проснемся. Серый, ты будешь бдеть первый, ага? У меня тут свисток судейский, на всякий случай вожу с собой. Если что – дуди.

– Не бойсь, мы их отучим реку крышевать. Эти щенки девяностых не застали, чтобы нас пугать.

– Ох, и глупая же молодежь пошла! – покряхтел Колян, залезая в палатку.

Сергей, как все улеглись, укутал Юрку: ночи еще прохладные, хоть в палатке и тепло. Чмокнул в лоб.

– Спокойной ночи, сына!

И все затихло.

Тишины, конечно, абсолютной не было. От села доносился иногда лай собак, в реке плескалась рыба, которой, вполне вероятно, предстояло завтра попасться им на крючок. Сверчки как ошалели – просто симфонический оркестр! В городе их мало, не так слышно. И поют не так азартно. А звезды! Просто фонари, кем-то развешенные в темно-фиолетовом небе.

Вскоре глаза у Сереги начали слипаться. Сказывалась усталость сегодняшнего баламутного дня, выпитое, запах речной свежести... Надышался за день кислородом.

Пару раз клюнув носом и вдруг вскинувшись, Сергей обнаружил, что костер почти погас. Ну и ну, насторожевал! Он решил спуститься к реке – умыться, размяться, а потом заново разжечь огонь. И тут до него донеслись приглушенные голоса.

Сергей замер, холодок пробежал по спине. Вряд ли это давешняя «мафия» – он не слышал звука мотора. Пешком идут? Так в этом случае приближалась бы гоп-компания бесшумно, чтоб не выдать себя раньше времени.

Может, такие же рыбаки? Но голоса раздаются от дороги, а рыбаки бы шли по берегу, да и разговаривали бы, не таясь. Эти же явно понижают голос, хотя, казалось бы, кого им опасаться вдали от жилья? И не разговаривают они, а как-то отрывисто, с паузами, перебрасываются словами. Сергей и услышал-то их потому, что у воды звук далеко разносится. Да в подсознании все равно таилась тревога после дневной стычки. Насторожен был.

Голоса приблизились, и вот в молочном лунном свете, заливавшем дорогу, показались две фигуры. Мужские, вроде бы... Они что-то несли. Один – вроде бы сумку, но без особого напряжения, видно, ноша была не очень тяжела. Или мужик был сильный. Второй – какие-то толстые палки в руках.

Поравнявшись с их лагерьем, заметили белеющие под деревьями палатки и автомобиль чуть поодаль от палаток. Притормозили резко и стали вглядываться. Хорошо, что костер погас, а Сергея куст скрывал. Постояв, прислушиваясь, двинулась дальше, но уже молча. Видимо, решили, что рыбаки спят. Сморило их с устатку да и «причастились» хорошо, от жен сбжавши.

Слава Богу, Серега не засвистел с перепуга – хорош бы он был, если б переполошил всех понапрасну! Завтра шуточек на весь день бы хватило. А перед Юркой-то как бы он выглядел?! Батя – паникер. Ну, прошли себе люди и прошли, мало ли, кто и откуда идет ночной порой!

От пережитого мандража сон как рукой сняло. Пора было уже и Коляна будить на смену, но Серега пожалел друга: он полдня за рулем, это они с сыном пассажирами ехали. Пусть поспит, а Серый сон днем доберет. Костер только надо разжечь, а то что-то подмерз он. Сыро у воды, еще и хмель выходит.

Тут выяснилось, что спички куда-то запропали, а угольки в золе окончательно потухли. И ни возле костра, ни в карманах спичек не нашлось. Наверное, выронил, когда пистолет доставал.

Отойдя в сторонку, чтоб пригасить звук, пощелкал своей грозной зажигалкой – газа в ней не было. Это было Серegiной вечной неразрешимой проблемой – вовремя поставить телефон на зарядку и заправить зажигалку. Как-то постепенно эти процедуры стали Наташкиной святой обязанностью. То ли любимая в состоянии взвинченных нервов забыла, собирая мужа в дорогу, то ли решила повредничать, чтоб вспоминать там почаще. Ну что ж, по грехам и муки! Мерзни-мерзни теперь, волчий хвост!

Серый немножко попрыгал – не прыгалось что-то. Решил, что от быстрой ходьбы быстрее согреется, и пошел вдоль реки, вверх по течению, по направлению к селу. Сначала маршировал не удаляясь от лагеря, но как-то незаметно все увеличивал и увеличивал дистанцию. В конце концов, добрался уже до самых сараюшек, стоявших на отшибе от села.

Сараюшки эти были – бывшие баньки, построенные когда-то хозяевами в конце своих огородов, у реки, чтоб далеко воду ведрами не таскать. Когда в Пороховом появился централизованный водопровод, сельчане стали строить бани уже во дворах, поближе к домам, ведь вода теперь поступала в бани по трубам.

Заброшенные старые баньки хозяева использовали по-разному: кто-то там навоз складировал, кто-то – старый огородный инвентарь хранил, уже негодный, если выбросить рука не поднималась. В одной из бань хозяин – знакомый Коляна – установил старенькую облупленную ванну, в ней его знакомые приезжие рыбаки подсаживали улов, если приезжали не на один день.

И тут Сергей опять услышал уже знакомые голоса, отрывистый приглушенный разговор. Он нырнул к растущему недалеко кусту, присел и замер, инстинкт подсказал ему это. Ночные гости то замолкали, то опять перебрасывались несколькими словами.

Сергея никак не мог сообразить, чем они там занимаются. Он слышал еще какой-то звук, мягкие шлепки и хэканье. Наконец понял – они копали. У Сергея уже затекли ноги, по подошвам побежали мурашки, и он совсем было решился ползком или на карачках пробираться к ближайшим деревьям, а там – короткими перебежками к своему лагерю. Меньше знаешь – крепче спишь! Но тут из темноты на залитый лунным светом берег показались две фигуры – сладкая парочка закончила свою работу, и Сергей снова замер.

На берегу было гораздо светлее, чем на дороге, из-за отражающейся в реке луны. Мурашки его тоже замерли. Ночные тати постояли, всматриваясь и прислушиваясь, и направились к дороге.

Палки, которые нес один из них, оказались лопатами, значит, точно – копали! А сумки, которую нес второй, при нем не было – теперь понятно, что они там закапывали. Интересно, что могло быть в этой сумке?

Парочка уже исчезла из вида, и Сергей, наконец, пошевелил ногами. Потихоньку распрягнулся, но, охнув, опустился опять на землю. Его мурашки ожили вместе с ним. Только посидев немного, помассировав ступни, осмелился встать – нормально!

И идти бы ему к палаткам, будить Коляна, разжигать костер и, попив чайку, загружаться в лодку и плыть к противоположному берегу! Как и планировалось с вечера. Но, как в знаменитой басне, Серега призадумался. На ту беду...

Что эти два хмыря закапывали, интересно знать? Судя по громкости голосов, это было не так далеко. Скорее всего, вторая сараюшка отсюда. И он поперся туда – посмотреть, чтоб уж рассказывать завтра (или уже сегодня) друзьям, оперируя фактами.

Правду говорят, что на роду написано – от того не убежишь. И он ли первый, кого сгубило чрезмерное любопытство?

Сергей присел у задней стены сарая – земля хоть и была выровнена и притоптана, но еще влажная. За завтрашний день высохнет – и ничего не будет заметно! Услышал шорох, но ни выпрямиться, ни головы повернуть не успел – страшный удар обрушился ему на голову.

И он ничего больше не успел. И жизнь его, не такая уж и длинная, не промелькнула перед глазами. И туннеля, по которому несутся души умирающих к свету, не увидел. Да и есть ли он вообще, этот туннель? Оттуда ведь еще никто никогда не вернулся, чтобы доложить. А те, что про него рассказывают, до цели так и не добрались.

Меньше знаешь – дольше живешь, воистину.

Всякая дорога имеет начало

Зоя Васильевна Конева, немолодая женщина, за шестьдесят, пребывала в растрепанных чувствах.

Получив пенсию, она пробежалась по рынку и супермаркетам, коих в последнее время видимо-невидимо расплодилось в маленьком Артюховске. В них всегда было многолюдно.

У нее просто в голове не укладывалось: сколько же продуктов умудряется съесть за сутки артюховское население, в количестве ста тридцати тысяч с небольшим? Это – включая младенцев. Загляни на следующий день и еще на следующий – в магазинах будет так же многолюдно, и все тащат к дому битком набитые корзины!

Не обошла вниманием Зоя Васильевна и продуктовые клетушки-закуточки в торговом центре «Да! Да! Да!» – там все было немножко дешевле. «Размотав» отведенную для покупок сумму, нагруженная двумя увесистыми пакетами, с приятным чувством исполненного долга она возвратилась домой.

Разложив покупки по шкафчикам, в соответствии с их назначением, засунув в холодильник, что положено, она села, чтобы сверить чеки со своим списком. На какую сумму и в какой торговой точке ее сегодня надули, и какой урон нанесла она своему бюджету, потрафляя сиюминутному капризу.

Список запланированных обязательных покупок должен был находиться в кармашке сумочки, а чеки – в кошельке. На проверку, список оказался на месте, чего нельзя было сказать о чеках. Их не наблюдалось, поскольку отсутствовал кошелек. То есть, его нигде не было, совсем.

Зоя Васильевна приложила пальцы к вискам и вслух приказала себе:

– Спокойно! Не будем паниковать раньше времени! – ибо знала за собой этот грех.

Потом тем же приказным тоном произнесла громче, в пространство:

– Шутик-шутик, пошутил – и отдай!

Шутки Зои Васильевны был, в общем, парнем покладистым и обычно долго не выпендривался. Сегодня же он безмолствовал и бездействовал: то ли был не при делах, то ли в кои-то веки решил проявить строптивость.

Следующим шагом Зои Васильевны стала проверка, на всякий случай, карманов и подкладки сумки. На предмет выявления образовавшихся и еще не замеченных дырок. Правда, это уже был шаг отчаяния, вопреки всякой логике, и шаг безрезультатный. Как можно долго не замечать дыру, в которую способен провалиться кошелек?

Дальше, как советуют психологи, чтобы успокоиться, она сосчитала от одного до пятидесяти и обратно. Никакого эффекта. «Может, надо до ста и обратно?» подумала, было, женщина, но решила, что нечего зря время терять.

Пришла пора включить логику, что Зоя Васильевна, наконец, и сделала. Она прекрасно помнила, как в последнем по очередности магазине, расплатившись, опустила кошелек в сумку. У кассы было тихо, полы – кафельные. Даже если бы она опустила кошелек мимо сумки, был бы мягкий шлепок – звук падения.

Украли? Как и когда? Нет, мерзавец-кошелек, вздумавший шутки шутить, дома, однозначно, но где?

Зоя Васильевна еще раз прошла по шкафчикам и тумбочкам, перебрала все купленные пакетики и кулечки – вотще! Логика тоже оказалась бессильной.

Со стрессом всяк борется своими методами. Вот подруга Зои Васильевны – Мила, Людмила Ивановна Каргина, не переносит одиночества, если с ней происходит какая-то неприятность. Ей надо тут же поделиться с кем-то своей бедой. Когда беда дробится на кусочки, по количеству тех, с кем ею делишься, она не кажется уже такой глобальной.

С наивным, но небезосновательным эгоизмом Людмила Ивановна полагала, что, оделив кого-то частичкой своей неприятности, она никому не усложнит жизнь. Чужая неприятность – тьфу, пустяк. Человек выслушает, посочувствует и тут же забудет, но ВЫСЛУШАЕТ! Со своим же собственным кусочком оставшейся беды уже вполне можно существовать дальше.

Другая ее подруга – Люся, Людмила Петровна Комарова, наоборот, уходит в себя. Вернее, в работу. Люся отключает телефон, чтоб ее не дергали, и развивает бешеную деятельность. За пару часов она превращает жилище в стерильную операционную, вылизывает, отдраивает, доводит чистоту до немыслимого совершенства. Если после этого зайдешь к ней в дом – следующий шаг уже и сделать страшно при виде этой нежилой чистоты.

Меж подруг это так и обозначалось: Люськи нет, она ушла в себя. Значит, с Люсей приключилась какая-то неприятность. Выплеснув негатив в процессе уборки, она включает телефон, и уже спокойно, отстраненно, с юмористическими комментариями делится своей бедой.

Кому-то надо в такие моменты вздремнуть, кому-то – пожевать сладенького, кому-то – водочки выпить. Зоя Васильевна же хватала любое чтиво, что под руку подвернется: хоть журнал, хоть рекламную листовку. Чтение было ее лекарством, любая печатная продукция.

Сейчас ей под руку попала газета, даже две, аккуратно сложенные и вложенные одна в одну. Так сложить газеты могла только большая аккуратистка, не терпящая беспорядка даже в мелочах. Как выражались пренебрежительно и с долей зависти поволжские хозяйки, не обладавшие такими качествами, – «чистоплотница хренова».

Газета была необычная, не местная. Пару дней назад у нее ночевали родственники покойного мужа, супруги из села Порохового – приезжали в город на рынок, чтобы домашней свининкой торговать. В оставленные ими номера «Степной нови» месячной давности что-то заворачивали, а потом и оставили за ненадобностью.

Схватив с жадностью, как безнадежный больной хватает долгожданное заморское лекарство, первый неказистый, с плохо отретушированными фотографиями экземпляр районной печати, женщина погрузилась в спасительный текст.

Читателем она была хорошим, опытным. Тем не менее, газеты чисто автоматически начала читать с четвертой страницы. Минувя бравурные заказные передовицы, начинала с какого-нибудь легонького матерьяльчика, хотя в мыслях и корила себя за это.

СЕНСАЦИОННАЯ НАХОДКА

Археологической группой, уже не первый год проводящей раскопки вблизи села Пороховое, в одном из раскопов найдено несколько ценных артефактов. В их числе – настоящий клад: две древних керамических шкатулки с монетами.

Археологи предполагают, что раскопали местонахождение двора или усадьбы ордынского бека или просто богатого горожанина. Если судить по остаткам кирпичной кладки, дом когда-то живших в нем людей был очень просторный. Обнаружились остатки глиняных труб для водопровода, китайских печей для обогрева комнат – «канов», даже канализация.

По утверждению руководителя экспедиции – известного в регионе археолога Д.Е. Шпигалева, найденное представляет большую историческую ценность. Причём, раскапывать усадьбу археологи только начали. Вполне возможно, здесь будут сделаны и другие ценные находки.

Уже давно у археологов в этих местах, применяя рыбацкий термин, не было такого богатого улова. Хотя, если развивать дальше рыбацкую тему, нельзя не упомянуть об еще одном улове. Несколько дней назад группой рыбаков была найдена на отмели часть золотого хазарского нагрудного украшения, очевидно, вымытая из захоронения водой во время половодья. Возможно, это обломок медальона, мужского или женского.

Шпигалев, которому рыбаки принесли показать свой «улов», уверен в подлинности артефакта и высокой пробе золота. Но, разумеется, последнее слово будет за экспертами.

Надеемся, эти находки оживят угасший было интерес научных кругов к судьбе Порохового городища. По словам господина Шпигалева, этим летом экспедиция начала работу над новым перспективным участком, поэтому ученые надеются, что находки являются лишь «первыми ласточками». Возможно, наши степи уже в недалеком будущем станут Меккой для туристов, исследователей и любителей истории родного края.

Дальше речь в статье традиционно шла о недостаточном финансировании археологических экспедиций. Как будто в наше время что-нибудь финансируется в полном объеме!

– Однако, у районной газеты большие амбиции. Особенно насчет туристической Мекки! – прокомментировала с улыбкой Зоя Васильевна.

Хотя она прекрасно знала, что в статье – не просто журналистский треп. И действительно, местные жители не раз находили в степи, прямо на поверхности, медные и мелкие серебряные монетки. Курганами же покрыта вся степь. Да и река, подмывая берега в паводки, оставляла на отмелях немало всяких интересных вещиц, золотых в том числе. Скорее всего, из захоронений. Но то – одиночные находки, а тут – шкатулки.

Следующая заметка продемонстрировала неуместность ее иронии.

БУДУЩЕЕ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЫ

Как известно нашим читателям, невдалеке от села Пороховое два года назад велись съемки исторического фильма о Золотой Орде. Для съемок был построен грандиозный макет – несколько кварталов средневекового ордынского города в натуральную величину. Объект получился настолько впечатляющим, что, по ходатайству губернатора края, после завершения съемок декорации не были разобраны.

Окончив съемки, киношники оставили созданный ими «город», которому местные жителями дали название Сарай-Бату (по аналогией со знаменитой ордынской столицей), в степи.

После определенных консервационных работ, которые провели местные архитекторы, строители и музейные работники, он превратился в музей под открытым небом.

Год спустя интерес туристов к новому объекту на карте региона нисколько не угас. Вокруг собственно города, построенного из кирпича и глины и обнесенного двухметровой крепостной стеной, теперь раскинулся еще и лагерь из кочевых юрт. В юртах – все удобства для туристов.

Здесь есть чайхана с богатым выбором восточных блюд, караван-сарай. В самой большой юрте расположился музей кочевого быта, где представлены эксклюзивные экспонаты, выделенные из фонда областного краеведческого музея. Экскурсии в юрте-музее проводит экскурсовод в одежде монгольского воина, специально сшитой по эскизам историков. Это создает полное ощущение достоверности его рассказу и сопричастности эпохе.

Недавно в «кочевом городе» появилась еще и юрта шамана. Шаман, чье имя Акылбай означает «Богатый умом», – потомок древнего шаманского рода. До того, как поселиться в наших местах, он много лет прожил на Алтае, заработав там славу лекаря и провидца.

Теперь и у нас посетившие юрту экскурсанты рассказывают чудеса о его способностях провидца, а на личную встречу образовалась большая очередь. При этом поговорить с Акылбаем удастся не каждому, не со всяким посетителем он общается персонально.

Иногда его ответы четки и конкретны, а иной раз – расплывчатые и туманны. Он часто говорит загадками, и проникнуть в смысл его слов может не каждый, и не сразу. Случалось, что предсказание Акылбая сбывалось по прошествии довольно длительного времени. Наш корреспондент непременно побывает в юрте шамана, и мы расскажем об этом в одном из следующих номеров.

– Однако, какими предприимчивыми стали мои соотечественники! – прокомментировала и эту заметку Зоя Васильевна. – Ведь туристы и в самом деле повалят. Тут тебе и древний город, тут тебе и ордынский клад рядышком, в раскопе. Или ходи по берегу и собирай скифские украшения! Точно, повалят! К нам-то в Артюховск – вон как повалили, когда мы с Люсей и Милой клад в подвале обнаружили!

Психологический феномен. Как будто клады в каждом подвале запрятаны или только копни – тут тебе и шкатулка с древними монетами! Ей и самой тут же захотелось съездить в этот музей под открытым небом. Конечно, она была в курсе рождения нового музея в степи, поскольку и сама с некоторых пор (временно!) трудилась в должности экскурсовода музея купеческого быта славного города Артюховска.

Они с подругами, кстати, давно собирались в Пороховое. А теперь еще и – шаман! И возникший в степи город из юрт! Интересно же.

А это про что?

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Участковым уполномоченным села Пороховое Аскарком Абдулхалиловым сегодня зафиксировано безвестное исчезновение рыбака Сергея Санеева.

По информации пресс-службы районной полиции, обстоятельства случившегося неординарны, выделяются на фоне других случаев исчезновения рыбаков, не редких летом в Поволжье.

Мужчина пропал не во время рыбной ловли на реке, а прямо из палаточного лагеря. Кроме того, по словам свидетелей, пропавший рыбак был трезв.

По информации, которую удалось собрать полицейским, трое рыбаков-любителей приехали в наш район из Астрахани. Они поставили две палатки на берегу реки. В одной ночевал сам Санеев с десятилетним сыном Юрой, в другой – двое других рыбаков. Утром мальчик обнаружил, что отца в палатке нет.

Лодки пропавшего на берегу не обнаружили, на основании чего была выдвинута версия, что мужчина ночью решил порыбачить и выплыл на ночную воду в одиночку. Но Юра Санеев рассказал, что планов уйти куда-либо ночью у отца не было. Наоборот, вечером они вместе устраивались на ночлег и разговаривали о предстоящей завтрашней рыбалке.

Предпринятые рыбаками попытки самостоятельных поисков мужчины результата не дали. Тщательная проверка территории с привлечением полиции и местных жителей также ни к чему не привела. В настоящее время ведутся розыскные мероприятия, опрашиваются возможные свидетели.

Зоя Васильевна поморщилась и перевернула страницу.

– Ну да, конечно! Рыбаки, ночью, на реке – и трезвые! Перепились, и надрало ночью искупаться, что же еще? – резюмировала Зоя Васильевна. – Докупался! Стоило этому место в газете выделять!

Несколько развлекшись и отвлекшись чтением, Зоя Васильевна обрела способность позвонить подругам. Скупно, без подробностей, она дала понять, что ей худо и требуется моральная поддержка. Тем самым Зоя Васильевна официально протрубила большой сбор. Подруги обещали быть часика через три-четыре.

Решив не мудрить над меню – не на торжество приглашала – она запланировала эти три-четыре часика поковыряться в огороде. Чего время зря вести, можно рефлексировать и сорняки выдергивая. Они после прошедшего вымоленного дождичка попёрли с бешеной скоростью.

Через три часа плодотворной работы она решила пошабашить. Переоделась, вымыла руки. Открыв холодильник, вытащила из морозилки купленную сегодня пачкупельменей и узрела небольшой смерзшийся кусочек чего-то бордовенького – не то говядины, не то печени.

Пусть с памятью у нее начались проблемы, но не до такой же степени, чтобы не помнить, что лежит у нее в морозилке, не так уж богат ассортимент! Забивать холодильник припасами на всю оставшуюся жизнь не позволял ей принцип «есть надо, чтобы жить, а не жить, чтобы есть». И потом, обжорство было вредно для ее кошелька.

К тому же, не слишком рачительная хозяйка, Зоя Васильевна все же никогда не положила бы в морозилку кусок мяса прямо на решетку, не засунув его в полиэтиленовый кулек. Но вот же – факт налицо! Почти сраженная этим новым ударом, она протянула руку и с брезгливостью вытащила на свет божий ЭТО.

То был ее родненький потерянный кошелек, темно-бордовенький, купленный когда-то под цвет сумки, весь скукожившийся от холода и уже заиндевевший – холодильник у Зои работал на совесть.

* * *

– И что ты теперь собираешься предпринять? – с постным видом спросила Мила, еле сдерживая распирающий ее смех.

– Пойдет в Волге топиться! – предположила грубая Люся.

Зоя Васильевна рассчитывала на сочувствие. Уж, по крайней мере, на понимание. А эти две так называемые подруги едва не ржут, как, прости господи, племенные кобылы! Вот и надейся на стакан воды!

Вот так будешь лежать, окруженная родными подругами, и со всех сторон к тебе будут тянуться стаканы с водой. А подруги будут отталкивать друг друга и кричать в слезах:

– Мой возьми, мой!

– Нет, девочки, не утешайте меня! – с тонкой иронией промолвила Зоя Васильевна, намекая на неуместность веселья подруг. – Альцгеймер подкрался незаметно!

Толстокожие подруги, несмотря на тонкость иронии, ее уловили и с некоторым запозданием кинулись Зою утешать.

– Ерунда! – сказала Люся. – Я однажды в борщ полную сахарницу песку вывалила, «подсолила» борщок.

Зоя Васильевна пренебрежительно плечом пожала – тоже мне, утешила! Небошь, в соседней кастрюле компот варила, вот и все объяснение.

– А я, – внесла лепту Мила, – прихожу в другую комнату за чем-нибудь и забываю, зачем шла. Так я возвращаюсь на прежнее место и там вспоминаю, потом иду назад.

Зоя Васильевна улыбнулась высокомерно и скорбно:

– Подумаешь! Так все делают! Это не показатель. Но вы же не суете кошельки в морозилку.

– Подумаешь! – в свою очередь сказала Мила. – Я совсем недавно видела в каком-то сериале: молодая женщина тоже кошелек в холодильник засунула!

– В морозилку? – с жадным интересом спросила Зоя.

– Нет, не в морозилку.

– Ну вот!!!

– А что, это принципиально?

– А ты что, действительно не понимаешь или придуливаешься?!

– Честное слово, не понимаю!

– МОЛОДАЯ женщина! Просто по запарке засунула в холодильник! На автомате!

– А ты – не по запарке?!

– Я – в силу возрастных изменений в мозге!

– Ты, Зайка, даже тут выпендриться хочешь. Типа, ты такая уникальная, даже забывчивость твою ни с чьей сравнить нельзя! – сказала грубая Люся.

– Сейчас отберу рюмки и больше пельменей не добавлю! – предупредила Зоя Васильевна, вконец оскорбившись.

«Выпендриться» – это уже стало последней каплей.

– Ну, и что ты теперь – покончишь с собой? – вернулась к одолевшей ее назойливой идее Люся.

– А ты как будто хочешь этого?

– Люся, ты прямо как заезженная пластинка! – прикрикнула Мила, более тонкокожая.

– Да Заинька, да Бог с тобой! Ну, ты же знаешь, что я дура неотесанная! – Люся, учитывая остроту момента, перебарщивала с самокритикой.

– Зайка, ее просто переключило, а то ты Люську не знаешь!

– Сама такая! – огрызнулась Люся.

Зоя Васильевна поморщилась: она не выносила свар.

– Уж прямо так сразу – топиться! Завтра предупрежу Никиту, пусть Лиза на работу выходит. Напишу заявление.

– Костику еще трех не исполнилось!

– Ничего, мамок-нянек наймут! В конце концов, мэрский внук, уж они-то найдут выход из положения. Лиза и сама, наверно, на работу рвется.

– Ты уволишься – я тоже не останусь! – заявила Мила.

Она числилась сторожем при музее и, как бывший бухгалтер, помогала директору в решении финансовых вопросов. Люся же дневала и ночевала в музее в свободное от своей основной работы – ночной няни – время, на правах ближайшей подруги и непременной участницы всех событий.

– Ты-то тут с какого боку? – спросила Зоя.

– Мы подруги или как? – аргументировала Мила.

– То есть, из солидарности? – уточнила Зоя. – Глупо. И Никиту подведешь.

– Ничего не подведу!

– Тенденция, однако! – сказала Люся.

– В смысле? – не поняла Мила.

– Ну, – сказала Люся, – про Альцгеймера ничего не скажу, возможно, он подкрадывается, где-то на полдороги застрял. Но маразм к вам обоим уже подкрался. Вам по сколько годиков?! Вы где в своем возрасте такую работу найдете – чтоб и уму, и сердцу, и в кошелек немножко капало?! Прямо ждут вас везде с распростертыми объятиями!

– Да и не надо! В конце концов, мы свое отработали, да, Зайка?

– Да ты-то тут при чем?! – отмахнулась Зоя Васильевна. – Девочки, вы же знаете, я когда-то самой себе сказала, что не буду цепляться за работу в ущерб работе! Не доведу до момента, чтоб, не приведи Господь, коллеги и читатели перемигивались да подхихикивали за моей спиной.

– Тебе коллеги и не дали довести до того момента, – напомнила Люся Зое. – Не дали твоим читателям похихикать. Некоторые читатели, может, наоборот, даже и взгрустнули.

– Меня никто не выгонял!

– Ну, еще бы! Просто тонко намекнули, а ты вошла в положение.

– Ты считаешь, я была неправа?

– Да права, конечно, – вздохнула Люся. – Я бы и сама... Но ведь в данном случае тебе никто ни на что не намекает. В тебе пока еще производство нуждается. Наоборот, ты своим фортелем Никитку с Лизой подведешь. А уж если Милка выкинет свой фортель, это уж прямо демонстрация коллективная будет. Никитка-то чем виноват, что ты кошелек в морозилку засушила?!

– Ты, как всегда, права, – подумав, вынуждена была признать Зоя, и Мила тоже согласилась. Это был один из редчайших случаев – когда она соглашалась с Люсиным мнением. – Но что-то же надо делать?..

– Пусть себе Альцгеймер еще полгода пошатается по дорогам, по крайней мере, пока Костику три года не исполнится, а ты пока попроси у Никиты отпуск хоть на пару недель, без содержания, да куда-нибудь съезди, отвлекись. Мы с Милкой тебя подменим, если Никита заартачится, тексты твоих экскурсий мы назубок знаем.

– И попей каких-нибудь таблеток для памяти, чтоб мрачные мысли тебя покинули! – добавила Мила. – Вон сколько их рекламируют.

– Для тех, кто кошелек в морозилке хранит, – уже способна была пошутить Зоя.

– Наконец мы услышали от тебя что-то конструктивное! – милостиво обратилась Люся к Миле, довольная, что все как-то уладилось.

– Язва! – огрызнулась Мила, в душе, однако, торжествуя.

* * *

Никита Михайлович Мирюгин, молодой директор музея купеческого быта, и не думал артачиться.

Не столь давно открывшийся музей, отцами-основателями, так сказать, которого были три наши престарелых дамы, располагался в старинном купеческом особняке. Скольких сил, моральных и физических, потребовалось для его создания, знали только Зоя Васильевна со подруги, он сам с женой Лизой и их ближайшее окружение! Сколько средств было вложено, для того, чтобы самодеятельное подобие клубной экспозиции приобрело статус серьезного учреждения, знал лишь папа Никиты – мэр Артюховска.

Но это была мизерная часть того, что требовалось для поддержания былого великолепия ветхого деревянного здания, расширения экспозиций, нормальной работы хоть и маленького, хоть и провинциального, но – музея, уже начинавшего приобретать популярность среди артю-

ховцев и гостей города. Папа-мэр тоже не мог выше головы прыгнуть, кроя муниципальный бюджет.

И тут – о чудо! – те же три дамы обнаружили в подвале музея клад. Два сундука, набитые царскими червонцами, золотыми украшениями, серебряной посудой, подсвечниками и безделушками.

Надо полагать, это было достояние не одной только семьи купцов Бельковых-Тихановичей, владельцев купеческого терема. Возможно, кто-то еще из близких, доверявших вполне, попросил в лихие революционные годы припрятать имущество до лучших времен... Впрочем, кто теперь знает, каков был достаток и запросы купцов второй гильдии маленького провинциального городка, рыбо- и солепромышленников.

Деньги, выплаченные государством музейным работникам за находку клада, позволили не только купеческий особняк капитально отреставрировать по всем канонам деревянного зодчества, с привлечением мастеров-экспертов (по знакомству, но все-таки!) аж из самих Кижей. Хватило и на то, чтобы газовое отопление в здании обустроить, и воду подвести. А теперь Никита замахнулся и на канализацию. Учреждение культуры как-никак, а удобства во дворе!

Понятно, что три дамы были у молодого директора на особом положении. Да и в устройстве его личной судьбы они сыграли немалую роль.

И потому Никита тоже пребывал в растрепанных чувствах и маялся уже несколько дней.

Зоя Васильевна, занимавшая должность экскурсовода, пока его жена Лиза находилась в отпуске по уходу за ребенком, относила его смурной вид на счет хозяйственных проблем. Бригада «Ух!», которую директор нанял неизвестно где из соображений экономии, порывши пару дней траншею под канализационные трубы, перепилась. В ответ на резонные претензии хозяина, труженики кайла и лопаты послали его далеко.

У Никиты, уже привыкшему за недолгий период директорства к общению с пролетариями, отвисла челюсть. Этот самый недолгий срок общения был причиной недальновидности директора. Он внял горячечным мольбам трудящихся, поверил взорам, горящим искренностью фанатиков, и выдал аванс. Потом он выслушал их неблагодарное – «в гробу видали!», «сам копай за свои копейки!» и адрес, куда ему пойти. Взглядом снятого с креста мученика он провожал удалявшихся с лопатами на плечах тружеников.

Черное отчаяние охватило Никиту. Самооценка его упала ниже плинтуса. С трясущимися губами он прошел в клетушку, именуемую кабинетом, и хряснул дверь, ненавидя свою горькую директорскую судьбу, пролетариат вообще и артюховский в частности.

Через некоторое время Зоя Васильевна, поскребшись в дверь кабинета, принесла ему чаю, накапав в чашку успокоительных капелек. Никита выпил залпом, не заметив привкуса, и немного погодя стал способен слушать уговоры и слышать резоны.

Зоя Васильевна позвонила Людмиле Петровне, та посетила «биржу», место, где хронически временные безработные собирались в надежде продать свои услуги по копке-распилке. То есть, работали по формуле «бери больше – кидай дальше». У Люси там был особый статус и особые отношения с контингентом, после гибели ее соседа, бывшего одно время членом этого коллектива.

По ее убедительной просьбе, которую подкрепила бутылка водки, мужики прониклись сочувствием к незадачливому директору, осудили недобросовестных коллег и согласились за разумную плату дорыть траншею. За пару дней они ее и дорыли.

Когда на следующий день Зоя Васильевна пришла на работу, с намерением просить отпуск на недельку, пусть и за свой счет, Никита Михайлович как раз во дворе рассчитывался с мужиками, разумеется, уже безо всякого трудового соглашения, но с вручением обещанной, помимо символической платы, литровой бутылки.

Зоя Васильевна все же нервничала немного, сознавая, что своей непредвиденной просьбой наносит удар в спину. Дождаясь директора, она стояла у окна, бессмысленно уставившись в пространство. Она еще раз обосновывала про себя аргументы, которые собиралась выдвигать.

«Какая странная походка», – подумала она, глядя вслед уходящим рабочим. Один из уходивших, рослый коренастый мужик, шел враскачку, но руками не размахивал. Кисти рук были прижаты к бокам, в подмышках – враспырку, как будто мужик нес подмышками по огромной «челночной» клетчатой сумке, набитой турецким ширпотребом.

Тут и директор подоспел, довольный, что в этот раз не оплошал. Самый подходящий момент был, чтобы подступиться к нему со своей просьбой. Размягченный Никита отнесся к просьбе Зои Васильевны с пониманием, и даже, как ей показалось, просиял, что ее, вопреки всякой логике, слегка уязвило.

– Ну, почему я буду возражать! Отдохните, конечно! Можете даже месяц очередного отпуска взять. А потом месяц без содержания, согласно законодательству! – великодушие его было безгранично и необъяснимо. Он даже про причину не спросил.

– А чем будете заниматься? – все же поинтересовался.

– Хочу в Пороховое съездить. Там, вроде, раскопки возобновились. Может, чего-нибудь раскопаю, – пошутила она. – Шкатулку вам с древними монетами привезу! Там как раз парочку откопали, может, и на мою долю осталось. Ну и Сарай-Бату тоже посмотреть хочется.

– Вот что! – воскликнул директор. – Мы вам путевку от музея подарим в качестве премии. Двойная выгода! И поездка будет бесплатной, и походите там с экскурсоводом, а не просто так! Я сегодня же займусь этим вопросом, что мы будем откладывать!

– Но месяц Людмила Ивановна с Людмилой Петровной согласятся ли экскурсии проводить? Мы только про неделю договаривались, – засомневалась Зоя Васильевна.

Она-то ожидала упреков, уговоров потерпеть немножко, ну, по крайней мере, проявления какого-то расстройств со стороны директора, а тут – нате вам! Он как будто даже рад.

И опять, вопреки той же логике, Зоя Васильевна ощутила укол ревности.

Она же не была в курсе подоплеку событий! Заметив, что в последние дни Никита Михайлович ходит как в воду опущенный, она отнесла это на счет хозяйственных неурядиц, которые директор принимает уж слишком близко к сердцу. Дело же было в том, что жена Лиза притомилась от материнских хлопот по уходу за младенцем и рвалась на работу.

Ей, конечно, жилось несравнимо легче, чем многим молодым мамам, у которых дедушка-свекор не был мэром. И условия проживания в свекровском коттедже были комфортнее, и помощников хоть отбавляй, и медпатронаж – в любое время дня и ночи – не так дышит ребенок или вдруг покашлял...

А может, именно поэтому. В комфортных условиях жизни в доме свекров ей было некомфортно. И хотя к хорошему, как известно, быстро привыкаешь, и отношение к ней было лояльным и корректным, и единственного внука от единственного сына свекры любили без ума, но ей хотелось собственного угла, а значит – свободы. Что тут удивительного! А может, она просто морально устала соответствовать высокому статусу мэровской снохи.

Выход на работу стал бы первым шагом в обретении самостоятельности. Это было одним из соображений. Вторым – в торцевой части музея-теремка располагалась их с мужем служебная квартира из двух крохотных комнаток, бывшая людская. Она пока была закрыта на ключ и ждала их возвращения, когда Костик подрастет. Растить ребенка в доме без удобств было сложно. Теперь-то – уже почти все удобства имеются!

«Что значит – „подрастет“? – ворчала про себя Лиза. – Когда жениться вздумает?» Ей, выросшей в простой семье, проживавшей в малогабаритной двушке, квартирка в музее не казалась ни маленькой, ни убогой. Главное, что своё. Она была несовременной девушкой!

– Ну что тебе загорелось? – уговаривал муж. – В садике Костик болеть начнет.

– Все дети болеют! Иначе иммунитет не выработается. А может, не начнет. Он у нас парень крепкий. И к детскому коллективу надо приучать.

– Да успеем еще приучить!

– Ты понимаешь, что меня стены давят?! У меня мозги заржавели, я прямо слышу их скрип! Я думать разучилась. Тебе нравится жена-клуша в халате?!

К слову сказать, халат Лиза надевала редко.

– А как я об этом Зое Васильевне сообщу? Мы же определенно договаривались, что она поработает, пока Костику три года не исполнится – она же на это рассчитывает! Надежный кадр, свой человек. Ты же знаешь, что я даже от молодого специалиста отбоярился. Сколько они для нас сделали!

– Да уж скажи как-нибудь, должна же она понять. Ну не на плаху же мы ее посылаем! Дело-то житейское! И что такое полгода?! Полугодом раньше, полугодом позже...

И все, вроде бы, логично и разумно. Молодым, как говорится, дорога, старикам почет. А на душе дискомфорт. Прямо-таки когнитивный диссонанс.

– О Господи, ну ты и загнул! – напирала Лиза. – Мне самой, что ли, пойти объясниться? В конце концов, кто руководит нашим маленьким дружным коллективом? Кто у нас голова?!

– Как будто ты не знаешь, – с мягким укором отвечал молодой муж, – что в нашем маленьком дружном коллективе прекрасно знают, кто у нас шея! Нет уж! Сам поговорю.

Не то чтобы Лиза жила по принципу «при хорошей женщине и плохой мужчина может стать человеком» и все для этого делала. И женились они по большой любви, и Никита вовсе не был таким уж тютей и раздолбаем. Но родители Никиты порой думали, что их невестка по напористости, житейской хватке была гораздо больше похожа на них, чем собственный сын. Уж очень был сентиментален.

Порой, глядя на проявления врожденной порядочности сына, гипертрофированной, как он считал, папа-мэр бурчал вполголоса, чтоб жена не слышала:

– Гены... Село! – имея в виду, естественно, тещу, проживавшую в деревне. Как будто тещи и свекрови когда-нибудь передавали внукам какие-то хорошие качества! Ни один генетик не сумел бы объяснить этого казуса.

А Лиза маленькими крепкими ручками уверенно держала штурвал их семейного суденышка и вела его, в основном, правильным курсом. Как говорится, раньше думала о себе, а потом – о Родине. Именно в таком порядке. Не как ее совестливый муж.

...И вдруг трудный разговор с Зоей Васильевной, к которому Никита готовился несколько дней, устроился сам собой. Как в рекламе, он испытал такое облегчение! Моральное. Неприятный разговор с приятным человеком отодвигался, возможно, аж на два месяца. А там...

Останется всего четыре условленных месяца, есть о чем говорить! Может, сама Зоя Васильевна, отдохнув и надышавшись воздухом свободы, не захочет возвращаться на работу?

Боль заставляет плакать, любовь – говорить

Сбор экскурсионной группы был назначен на девять ноль-ноль возле здания бывшего кинотеатра «Энергия».

В былые времена стены кинотеатра регулярно красились в нежно-желтый цвет – цвет утреннего нежаркого солнца, а портик будил в памяти образ богатого провинциального барского поместья.

С тех пор, как муниципалитет махнул рукой на хиреющие очаги культуры, бесхозный кинотеатр ветшал и разрушался. Но вот нашелся и ему хозяин. Дабы увеличить площадь помещения, новый владелец распорядился портик обшить стенами из ДСП, и он превратился в просторный пристрой.

Стены же всего кинотеатра были облицованы плитами насыщенного красно-коричневого цвета. Изящное, радующее самый взыскательный глаз здание превратилось в угрюмого, мрачного монстра. Цветовой кровавой гаммой оно порождало в населении мысли о фашистских застенках – у представителей старшего поколения, и о вампирах – у поколения младшего, взрослого на ужастиках.

От бывшего названия остался только логотип, но из памяти артюховцев он почему-то выпал. «Энергия» в устах горожан постепенно превратилась в «Дом вампиров» или, проще, вампирский дом.

Внутри здание было поделено перегородками на клетушки и превратилось в очередной торговый центр. Клетушки назывались бутиками, и цены стремились соответствовать высокому званию. Таким образом, форма стала соответствовать содержанию, то есть торговый центр вампирски высасывал содержимое кошельков наивных артюховцев, привлеченных высоким статусом торговых точек. Тех, кто еще верил, что высокая цена гарантирует высокое качество.

- Где сумочку купила? – интересовалась какая-нибудь девушка у подруги.
- У вампиров, – с деланным равнодушием отвечала та.
- О-о-о!!! – с бессильным отчаянием стонала девушка.

...Как любому нормальному человеку, Зое Васильевне доводилось иногда опаздывать. И, как человеку воспитанному, испытывать из-за этого неприятные ощущения. А потому она взяла себе за правило на любую встречу выходить из дома минимум за час до назначенного времени – пробки там, поломки маршруток или неожиданные встречи со знакомыми, которые судьба всегда посылает не вовремя. Именно тогда, когда ты опаздываешь, во встреченных знакомых пробуждается жгучий интерес к твоей жизни, и они настаивают на безотлагательном рассказе.

На тот же случай, если удавалось прийти раньше, чем требовалось, в сумке у нее всегда имелась книга или журнал. Зоя Васильевна отыскивала ближайшую лавочку, доставала чтиво и уносила в иные миры и времена. На место встречи являлась за две-три минуты до назначенного срока, и никаких тебе неприятных ощущений, а наоборот, королевское чувство уверенности в себе. Таким образом она соединяла полезное с приятным.

На этот раз в запасе у нее было целых полчаса. На месте сбора уже маячили несколько фигур таких же заплывших педантов, как она, наверняка из той же возрастной категории, но Зоя Васильевна не изменила себе и не направилась знакомиться и занимать очередь. Место в путевке было указано, так что повода для волнений не имелось.

Обозрев окрестности, она обнаружила лавочку невдалеке и поспешила к ней. Сегодня у нее в сумке лежала книга, соответствующая теме экскурсии. Пару дней назад она уже начала ее читать, вернее, перечитывать. В романе красочно и подробно описывалась столица батыевой Золотой орды в Поволжском улусе – Сарай-Бату.

Первое знакомство с этой книгой произошло у Зои еще в молодости. «...Город с двумястами тысячами разноязычного населения – и владычествующего, монголо-татарского, и насильно согнанного татарами со всех концов мира, – читала она. – Это была поистине сокровищница бездонная, непрерывно наполняемая военным грабежом и торговлей, – сокровищница не только золота, серебра, хлеба, труда, чужих достояний, но и обломков чужой, великой культуры, награбленных на Востоке и Западе и сваленных без разбору, в диком, но своеобразном беспорядке, в бездонную кладовую забайкальского хищника, угнездившегося на Волге».

Отрываясь временами от текста, она поглядывала в сторону все прибывающих экскурсантов. Автобус уже подкатил, но внутрь пассажиров пока не впускали. Наконец, ее верная старенькая «нокия» дала понять, что пора, продемонстрировав крупные цифры 8.55 (за что Зоя Васильевна ее и любила – можно увидеть время и без очков).

Группа оказалась разновозрастной. Загрузившись, экскурсанты принялись исподтишка разглядывать друг друга – коллектив образовался хоть и временный, но путь предстоял неблизкий, ехать четыре часа, да обратно столько же. Надо же знать, кого Бог послал в попутчики.

Экскурсовод, немолодой солидный мужчина, как выяснилось позже – преподаватель истории, не спешил грузить экскурсантов историческими фактами и анекдотами, датами и легендами, пока не выехали за черту города. Текст, который он должен был вложить в головы, вернее, сначала в уши своих сегодняшних слушателей (а там уж как получится), был обкатан и выверен многократно – на каждый километр дороги энная порция информации. А пока пусть разглядывают артюховские пейзажи, если еще на них не нагляделись.

Он тоже наметанным взглядом охватывал свою сегодняшнюю аудиторию, определяя, кто будет его благодарным слушателем, кто не поднимет головы от планшета с игрушкой, а кто – всю дорогу станет жевать, распространяя на весь салон запах колбасы. Насчёт выпить в путёвке недвусмысленно мелким шрифтом предупреждалось: за употребление спиртных напитков – высадка. Здоровенный детина за рулем и, как выяснилось, еще один – в салоне, выступали гарантами порядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.